

Дьякон
Кинг-
Конг

Джеймс
Макбрайд

лауреат Национальной книжной премии США

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

Оглавление

1. ИИСУСОВ СЫР	9
2. ТРУП	20
3. ДЖЕТ	26
4. БЕГСТВО	38
5. ГУБЕРНАТОР	49
6. БАНЧ	63
7. МАРШ МУРАВЬЕВ	71
8. БЕРЛОГА	90
9. ГРЯЗЬ	99
10. СУП	114
11. ФИТОЛАККА	137
12. МОДЖО	150
13. ДЕРЕВЕНСКАЯ ДЕВЧОНКА	162
14. КРЫСА	183
15. ТЫ НЕ ПРЕДСТАВЛЯЕШЬ, ЧТО ГРЯДЕТ	191
16. ПУСТЬ ГОСПОДЬ ХРАНИТ ТЕБЯ... ..	207
17. ГАРОЛЬД	218
18. РАССЛЕДОВАНИЕ	236

19. ПОДСТАВА	248
20. ТРАВНИК	256
21. НОВАЯ ГРЯЗЬ	267
22. ДЕЛЬФЫ, 281	280
23. ПОСЛЕДНИЕ ОКТЯБРИ	288
24. СЕСТРА ПОЛ	294
25. ДЕЛАТЬ	309
26. КРАСОТА	320
БЛАГОДАРНОСТИ	335

Иисусов сыр

Дьякон Каффи Ламбкин из баптистской церкви Пяти Концов стал ходячим мертвецом в пасмурный сентябрьский день 1968-го. В тот день старый дьякон, он же Пиджак для друзей, вышел во двор жил-проекта* Козвей в Южном Бруклине, сунул древний кольт 38-го калибра в лицо девятнадцатилетнему наркодилеру Димсу Клеменсу и спустил курок.

В округе много судачили, за что старик Пиджак — поджарый и улыбчивый темнокожий, который кашлял, перхал, харкал, хохотал и квасил по всем углам Коз-Хаусес большую часть своей семидесятиоднолетней жизни, — выстрелил в самого безжалостного наркодилера, какого только видел жилпроект. У Пиджака не было врагов. Он четырнадцать лет тренировал местную бейсбольную команду. Его покойная жена Хетти была казначеей Рождественского клуба при его церкви. Мирный и всеми любимый человек. Что же стряслось?

Каких только не было теорий наутро после выстрела у собрания отставных городских работников, бомжей из ночлежек, скучающих домохозяек и бывших зеков, что каждый день заседали на скамейке под флагштоком посреди жилпроекта, чтобы хлебнуть халявного кофе и отдать честь взмывающей в небо «Старой славе»**.

— У Пиджака ревматический полиартрит, — объявила сестра Вероника Го, президент ассоциации жильцов Коз-Хаусес и жена священника баптистской церкви Пяти Концов, где Пиджак прослужил пятнадцать лет. Она поведала собранию, что на грядущий День семьи и друзей Пиджак планировал прочитать в церкви свою первую

* Проекты (projects) — муниципальные жилые комплексы в США, строившиеся по заниженным стандартам и сдававшиеся бедным семьям. Со временем стали известны как черные гетто с высоким уровнем нищеты и криминала. — *Прим. перев.*

** Прозвище флага США, его дал в 1831 году капитан Уильям Драйвер. *Прим. перев.*

проповедь, озаглавленную «Сперва помолись, а потом за стол садись». А еще напомнила, что пропали деньги Рождественского клуба, но «если их и взял Пиджак, то не иначе как из-за ревматизма», отметила она.

Сестра Ти Джей Биллингс, или Бам-Бам среди друзей, старшая служительница в Пяти Концах, чей бывший супруг — единственный за богатую историю этой церкви мужчина, который ушел от жены к другому мужчине и при этом не поплатился жизнью (потому что переехал на Аляску), выдвинула собственную теорию. По ее словам, Пиджак стрелял в Димса потому, что в девятый корпус вернулись таинственные муравьи. «Пиджака, — хмуро провозгласила она, — сглазили. Не обошлось без моджо*».

Мисс Изи Кордеро, вице-президент отделения Пуэрто-риканского общества Коз-Хаусес, которая стояла всего в пятнадцати метрах от Пиджака, когда он навел свою древнюю пушку на кочан Димса и спустил курок, сказала, что вся каша заварилась, поскольку Пиджака шантажировал один «злой бандит-латинос», причем она в точности знает, кто этот бандит, и собирается заявить о нем в полицию. Конечно, все понимали, что это она о своем бывшем муже-доминиканце Хоакине, единственном честном лотерейщике в районе, и что они с Хоакином ненавидят друг друга до печенок и все последние двадцать лет селятся засадить друг друга за решетку. Так что сами понимаете.

Сосиска — дворник Коз-Хаусес и лучший друг Пиджака, каждое утро поднимал флаг и разливал халявный кофе от досугового центра для пенсионеров Коз-Хаусес, — рассказал компании, что Пиджак стрелял в Димса из-за ежегодного бейсбольного матча между Коз-Хаусес и их соперниками Вотч-Хаусес, что не проводился вот уже два года. «Пиджак, — сказал он гордо, — единственный судья, на которого соглашались обе команды».

Но лучше всего чувства собравшихся выразил Доминик Лефлер, Гаитянская Кулинарная Сенсация, проживавший в одном доме с Пиджаком. Доминик только что вернулся из девятидневного отпуска в Порт-о-Пренсе, где навещал матушку, причем вернулся, как всегда, со странным вирусом из третьего мира, от которого слегла

* Моджо — чары или магический амулет, от креольского слова тосо (колдовство).
Прим. перев.

половина его корпуса; жильцы не слезали с унитаза и долгое время обходили его за милую, хотя самого Доминика вирус как будто никогда не брал. Лефлер наблюдал весь чертов балаган в окошко ванной, пока брился. Затем он вернулся на кухню, сел за обед с дочерью-подростком, которая тряслась с температурой под сорок, и сказал: «Всегда знал, что старина Пиджак совершит в жизни хоть что-нибудь великое».

Суть, однако, в том, что никто в проектах на самом деле не знал, за что Пиджак стрелял в Димса, — даже сам Пиджак. Старый дьякон объяснил бы, почему стрелял в Димса, не лучше, чем почему луна выглядит так, будто сделана из сыра, или откуда берутся и куда деваются дрозofilы, или каким образом мэрия на каждый День святого Патрика красит в зеленый воды близлежащей гавани Козвей. В предыдущую ночь ему приснилась жена Хетти, пропавшая в большой буран 1967 года. Пиджак любил рассказывать об этом друзьям.

— День был чудный, — начинал он. — Снег падал с небес, словно пепел. Все накрыло большим белым одеялом. Район выглядел мирным и чистым. В тот вечер мы с Хетти перекусили крабами, потом смотрели в окно на статую Свободы. Потом легли спать.

Посреди ночи она меня растормошила. Открываю глаза и вижу — по комнате огонек парит. Точно маленькая свечка. Покружил-покружил — и за дверь. Хетти сказала: «Это божий свет. Я пойду нарву луноцвета в гавани». Надела пальто и ушла вслед за светом.

В ответ на вопрос, почему он не последовал за ней в гавань Козвей, Пиджак недоумевал.

— Она пошла за божьим светом, — отвечал он. — Плюс там же был Слон.

В этом был резон. Томми Элефанты, он же Слон, тяжеловесный угрюмый итальянец, что обожал мешковатые костюмы и занимался строительством и грузоперевозками, сидел в старом товарном вагоне на пирсе — в двух кварталах от Коз-Хаусес и всего в квартале от церкви Пиджака. Слон и его молчаливые мрачные итальянцы, которые посреди глухой ночи таскали в тот вагон и обратно бог весть что, для всех оставались загадкой. И пугали до усрачки. Даже Димс, само зло во плоти, с ними не связывался.

Так что Пиджак отправился искать Хетти только наутро. Было воскресенье. Встал он спозаранку. Проекты еще спали, свежевывапший

снег оставался по большей части нетронутым. Он прошел по ее следам до пирса, где следы и обрывались у кромки воды. Пиджак посмотрел на океан и увидел, как высоко в небе летит ворон. «Загляденье, — рассказывал он друзьям. — Ворон покружил немного, потом взмыл ввысь и пропал». Он провожал птицу взглядом, сколько было видно, потом поплелся обратно по снегу к крошечной постройке из шлакоблоков — баптистской церкви Пяти Концов, где собиралась на восьмичасовую службу немногочисленная паства. Вошел, как раз когда преподобный Го, стоя за кафедрой перед единственным источником тепла в церкви — старой дровяной печью, — читал молитвенный список больных и затворников.

Пиджак сел на скамью среди сонных прихожан, взял одностраничную церковную программку и трясущейся рукой нацарапал на ней «Хетти», потом передал служительнице, сестре Го, одетой во все белое. Она передала записку мужу, как раз когда он начал зачитывать список вслух. Список всегда тянулся долго и состоял обычно из одних и тех же имен: больной в Далласе, кто-то при смерти в Квинсе и, конечно же, сестра Пол — основательница Пяти Концов. Ей было сто два, и она уже так долго проживала в доме престарелых в Бенсонхерсте, что по-хорошему ее из всей общины помнили всего два человека. На самом деле это еще был вопрос, жива ли сестра Пол, и паства зашумела, что, пожалуй, кому-нибудь, например пастору, надо бы ее проведать. «Я бы поехал, — сказал пастор Го, — но мне зубы дороги». Все знали, что белые в Бенсонхерсте не очень-то жалуют негров. А кроме того, оптимистично заметил пастор, взносы сестры Пол в четыре доллара тринадцать центов исправно приходили почтой каждый месяц, а это хороший знак.

Бубня за кафедрой молитвенный список, пастор Го принял бумажку с именем Хетти, не поведя и бровью. Прочитав ее, он улыбнулся и сострил: «Окстись, брат. Жена с работой — счастье в семье!» Это был камешек в огород Пиджака, который уже много лет не задерживался на одном месте надолго, тогда как Хетти воспитывала их ребенка и успевала работать. Преподобный Го был добродушным красавцем, любившим добрую шутку, хотя в то время сам только-только выпутался из скандала — его заметили в баре «Силки» на Ван-Марл-стрит за попытками обратить в веру кассиршу метро с сиськами размером с Милуоки. Из-за этого его отношения

с общиной осложнились, и потому, когда никто не рассмеялся, он посерьезнел и прочитал имя Хетти вслух, а потом завел гимн «Кто-то зовет меня по имени». Паства подхватила, все вместе пели и молились, и Пиджаку полегчало. Как и преподобному Го.

Тем вечером Хетти так и не вернулась домой. Через два дня люди Слона нашли ее в воде у пирса, с тем самым шарфом на лице, который она повязала, когда выходила из квартиры. Они выловили ее из воды, обернули в шерстяное одеяло, нежно положили на перину чистого белого снега возле вагона и послали за Пиджаком. Когда он прибыл, ему молча вручили литр скотча, вызвали копов, а потом пропали. Слон не хотел недоразумений. Хетти — не из его людей. Пиджак все понимал.

Похороны Хетти стали обычной для церкви Пяти Концов катасией. Пастор Го опоздал на службу на час, поскольку ноги у него до того распухли из-за подагры, что не взлезали в церковные туфли. Распорядитель похорон, старый беловласый Моррис Херли, кого втихомолку звали Морриской, потому что, ну... все же в курсе, что Моррис-то... в общем, брал он недорого, работал умело и всегда опаздывал с телом на два часа, зато все знали, что выглядеть Хетти будет на миллион баксов, как оно и вышло. Из-за опоздания Морриски пастор Го успел рассудить спор служительниц насчет цветочных композиций. Никто не знал, куда деть цветы. Это Хетти всегда решала, куда их ставить, чтобы утешить какую-нибудь семью: герань — в этот угол, розы — у той скамьи, азалии — у витража. Но сегодня Хетти сама стала почетной гостьей церкви, а потому цветы стояли как попало — где бросил курьер, поэтому за дело пришлось браться, как водится, сестре Го. Между тем сестра Бибб — фигуристая органистка, которая в свои пятьдесят пять была полнотела, лощена и коричнева, как шоколадная конфета, — явилась в ужасном состоянии. Она отходила после своего ежегодного греховного загула — размашистой, забористой, бражной ночи смачного чмокания и кувыркания со своим периодическим полублювником Сосиской, — длящегося, пока тот не удалялся с празднества ввиду нехватки стойкости. «Сестра Бибб, — жаловался он раз Пиджаку, — творит с органом что-то жуткое. И я не о музыкальном инструменте». Пришла она с раскалывающейся головой и ноющим от какого-то мощного рывка плечом после разгульного блаженства

прошлой ночи. В ступоре села за орган, уложила голову на клавиши, пока стягивались прихожане. Через несколько минут покинула зал и поспешила в подвальную дамскую комнату, надеясь, что там пусто. Но на лестнице споткнулась и нехорошо подвернула лодыжку. Перенесла она все без богохульств и жалоб, в пустом туалете опустошила желудок от вчерашней гулянки, подновила помаду и поправила прическу, после чего вернулась в зал и отыграла всю службу, сидя с лодыжкой, раздувшейся до размера дыни. Потом похромала к себе в квартиру, в ярости и раскаянии, костеря Сосиску, который уже перевел дух после утех и теперь хотел добавки. Он плелся за ней до дома на расстоянии в полквартила, как щенок, и прятался за кустами шелковицы, что росли вдоль дорожек жилпроекта. Всякий раз, оглядываясь через плечо и завидев, что из кустов торчит шляпа Сосиски, сестра Бибб впадала в неистовство.

— Сгинь, паразит, — рявкала она. — Нагуделась я уже с тобой!

Зато Пиджак пришел в церковь в отличной форме после того, как всю прошлую ночь провожал Хетти со своим дружкой Руфусом Харли — выходцем из его родного города и его вторым лучшим бруклинским другом после Сосиски. Работал Руфус дворником в Вотч-Хаусес поблизости, в нескольких кварталах, и, хоть они с Сосиской не ладили — Руфус был родом из Южной Каролины, а Сосиска из Алабамы, — особому сорту сивухи под названием «Кинг-Конг», который бодяжил Руфус, отдавали должное все, даже Сосиска.

Пиджаку было не по душе название фирменного рецепта Руфуса, и за годы он предлагал несколько новых. «Выпивка у тебя бы расходилась как горячие пирожки, если б не называлась в честь гориллы, — сказал он как-то раз. — Чего бы не назвать ее “Рюмашкой Нелли” или “Тидеоновским Крепким”?» Но Руфус только нос воротил. «Было дело, называл ее “Сонни Листоном”, — сказал он, имея в виду грозного негритянского чемпиона-тяжеловеса, чьи пудовые кулаки вышибали из противников дух. — Покуда Мухаммед Али не появился». С чем Пиджак поспорить не мог, так это с тем, что, как ни называй, а сивуха Руфуса — лучшая на весь Бруклин.

Та ночь выдалась долгой и бурной, полной разговоров об их родном городке Поссум-Пойнте, и на следующее утро Пиджак был как огурчик, сидел на первой скамье церкви Пяти Концов

и улыбался, пока над ним хлопотали дамы в белом, а две лучшие хористки поцапались из-за единственного микрофона. Обычно церковные ссоры проходят на пониженных, шипящих тонах — сплошь подковерные козни, интриги и сплетни о неладах в домохозяйстве. Но эта размолвка стала прилюдной — то есть самой лучшей. Поссорившиеся хористки — Нанетт и Сладкая Кукуруза, они же Кузины, — обе были тридцатилетними красавицами и чудесными певицами. Росли они как сестры, жили вместе и недавно страшно расплевались из-за никчемного обитателя жилпроекта, парня по имени Пудинг. Результат был грандиозный. Обе вымещали свой гнев в музыке, пытались перепеть одна другую и с великолепной лютостью надрывались о грядущем спасении славного Царя нашего и Спасителя, Иисуса Христа из Назарета.

Далее преподобный Го, воодушевленный бюстами Кузин, от воплей дивно вздымавшимися под балахонами, произнес громогласный панегирик, чтобы загладить свою прошлую подколку насчет мертвой на тот момент Хетти, поэтому проводы выдались лучше, чем церковь Пяти Концов видела за многие годы.

Пиджак наблюдал с благоговением, упиваясь зрелищем и давая диву, как набожные помощницы в белых одеяниях и красивых шляпах снуют вокруг и хлопочут над ним и над его сыном, Толстопалым, сидевшим рядом. Толстопалый — двадцати шести лет, слепой и, как говорили, без пары винтиков в голове — променял детскую пухлость на симпатичную стройность, а его точеные шоколадные черты скрывались за дорогими темными очками — даром какого-то давно забытого соцработника. Он, как обычно, не обращал внимания ни на что, хотя потом на церковной трапезе не взял в рот ни крошки, а это для Толстопалого ненормально. Зато Пиджак остался доволен. «Замечательно, — говорил он друзьям после службы. — Хетти бы понравилось».

Той ночью Хетти ему снилась, и, как часто бывало по вечерам при ее жизни, он делился с ней названиями проповедей, которые планировал однажды прочитать, чем обычно очень ее забавлял, поскольку дальше названий у него никогда не шло: «Благослови Господь корову», и «Благодарю Его за кукурузу», и «Бу!» — сказал цыпленок». Но той ночью она казалась сердитой — сидела в кресле в лиловом платье, скрестив ноги, и слушала насупившись, — так

что он пересказал светлые новости с ее похорон. Говорил, какие прекрасные получились служба, цветы, угощение, речи, музыка и как он рад, что Хетти обрела свои крылья и вознеслась к награде на небесах — хотя могла бы оставить на прощание и какой-никакой совет, как бы ему получить ее пенсию. Она что, не знает, что это такое — день-деньской стоять в очереди в конторе соцстрахования? И как там насчет денег Рождественского клуба, которые она собирала, — денег, что прихожане Пяти Концов откладывали каждую неделю, чтобы в декабре закупить подарков своим детям? Хетти была казначеей, но никогда не говорила, где прячет деньги.

— Все уже интересуются своими кровными, — сказал он. — Ты бы лучше ответила, где их спрятала.

Хетти пропустила вопрос мимо ушей, хлопоча из-за складок на своей ночнушке.

— Хватит говорить со мной как с ребенком, — сказала она. — Уже пятьдесят один год говоришь со мной как с ребенком.

— Где деньги?

— В заднице у себя поищи, пьянь бесстыжая!

— Мы ведь тоже вкладывались-то, между прочим!

— Мы? — хмыкнула она. — Ты за двадцать лет туда ни гроша не положил, забудыга несчастный, лодырь беспутный! — Она поднялась — и пошло-поехало: они лаялись, как в старые деньки, перепалка переросла в обычную ревущую огнедышащую свару, аж дым коромыслом, и продолжалась, даже когда он проснулся: Хетти, как обычно, всюду следовала за ним — руки в боки, — проедала плешь, пока он пытался скрыться, огрызаясь через плечо. Они ругались на чем свет стоит весь этот день и следующий, не замолкая на завтрак, обед и следующую ночь. Посторонний подумал бы, что Пиджак разговаривает со стенами, покуда занимается обычными делами: спускается в котельную на стаканчик с Сосиской, оттуда — обратно по лестнице в квартиру 4G, снова на улицу — чтобы отвести Толстопалого на остановку, где того забирал автобус до общественного центра для слепых, — потом на какую-нибудь свою халтурку и снова домой. Куда бы он ни шел, везде они с Хетти ругались. Или по крайней мере ругался Пиджак. Соседи, конечно, Хетти не видели: только глазели на то, как Пиджак беседует с пустым местом. Тот не обращал на зевак никакого внимания.

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Взрослые книги:

Проза:

Детские книги:

